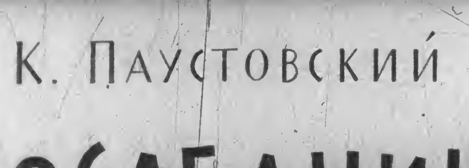
3 4 8 8

1965 г.

4

3

К. Паустовский

Последний чёрт

Рисунки
Г. Епишина

Производство
студии
„Диафильм".
1961 г.

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство показывал порванные штаны. Чёрт якобы клюнул деда в ногу.

Деду никто не верил. Даже старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов и что после революции чертей вообще нет и быть не может.

Но всё же бабы перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. В ответ на упрёки бабы отвечали нараспев: „И-и-и, милай, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Сам посуди: зачем же нам зря ходить, лапти уродовать?“

Однажды вечером мы позвали деда к себе – расспросить о чёрте. Дед рассказал, что чёрта он встретил на протоке у самого озера.

6

Там он кинулся на деда и так долбанул клювом, что дед упал, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.

–„А какой из себя этот чёрт?"– Дед заскрёб затылок.–„Ну, вроде птица,– сказал он нерешительно.– Голос вредный, сиплый, будто с простуды. Птица – не птица, пёс его разберёт".

– „Не сходить ли нам на Глухое озеро? Всё-таки любопытно", – сказал Рувим, когда дед ушёл, попив чаю с баранками. – „Тут что-то есть, – ответил я, – надо сходить".

9

На следующий день мы пришли к деду просить его быть нашим провожатым. Дед сначала отказывался, потом согласился, но попросил, чтобы ему за это в колхозе выписали два трудодня.

Председатель колхоза, комсомолец Лёня Рыжов, рассмеялся: „Ежели ты у баб этой экспедицией дурь из головы выбьешь, тогда выпишу. А пока шагай!“ 10

На Глухое озеро мы шли впервые. Дед в дороге о чёрте рассказывал неохотно, больше помалкивал.

Весь день мы шли сосновыми лесами. Шли без дорог, перебирались через сухие болота-мшары, где нога тонула по колено в коричневых мхах.

Жара измучила нас. Лес был накалён; казалось, что он тихо тлеет от солнечного зноя.

Мы отдыхали в густых чащах осин и берёз, пробирались через заросли на сырые места и дышали прелым запахом травы и корней.

Только к закату мы вышли на берег озера. Безмолвная ночь осторожно надвигалась на леса глухой синевой. Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестели первые звёзды. 15

Озеро, замкнутое поясом непроходимых зарослей, поблёскивало внизу. По чёрной воде расплывались широкие круги – играла на закате рыба.

Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костёр трещал и разгорался, нарушая лесную тишину. Дед сидел у костра и скрёб пятернёй худую грудь.

18

– „Ну, где же твой чёрт, Митрий?“ – спросил я. – „Тама, – дед неопределённо махнул рукой в заросли. – Куда рвёшься? Утром искать будем. Нынче дело ночное, тёмное“.

На рассвете я проснулся. С сосен капал тёплый туман. Дед сидел у костра и торопливо крестился. Мокрая его борода мелко дрожала.

– „Ты чего, дед?“ – спросил я. – „Доходишься с вами до погибели! – пробормотал дед. – Слышь, кричит анафема! Буди всех!“

Я прислушался. В темноте началась возня. Что-то живое тяжело забилось в воде, и злой голос прокричал с торжеством: „Уэк! Уэк!"

– Спаси, владычица-троеручица! – бормотал, запинаясь, дед. – Слышь, как зубами кляцает? Дёрнуло меня с вами сюды переться, старого дурака!

Дед от страха совсем ошалел. – „Иди стреляй! – бормотал он сердито. – Совецкно правительство тоже за это по головке не побалует. Нешто можно в чёрта стрелять?!“

Я растолкал Рувима. – „Ну, – сказал дед, – действуйте, как желаете. Я знать ничего не знаю!" – Он натянул на голову армяк и замолк.

Мы поползли к берегу озера. Туман шуршал в траве. Над водой неторопливо подымалось огромное белое солнце.

26

Мы осторожно поднялись. Я раздвинул кусты, вгляделся в озеро. – „Что видно?" – шёпотом спросил Рувим. – „Никак не пойму".

На чёрной воде плавала громадная птица. Оперение её переливалось лимонным и розовым цветом. Головы не было видно – она вся, по длинную шею, была под водой.

Мы оцепенели. Птица вытащила из воды маленькую голову. К голове был как будто приклеен громадный клюв с кожаным красным мешком. – „Пеликан!“ – крикнул Рувим.

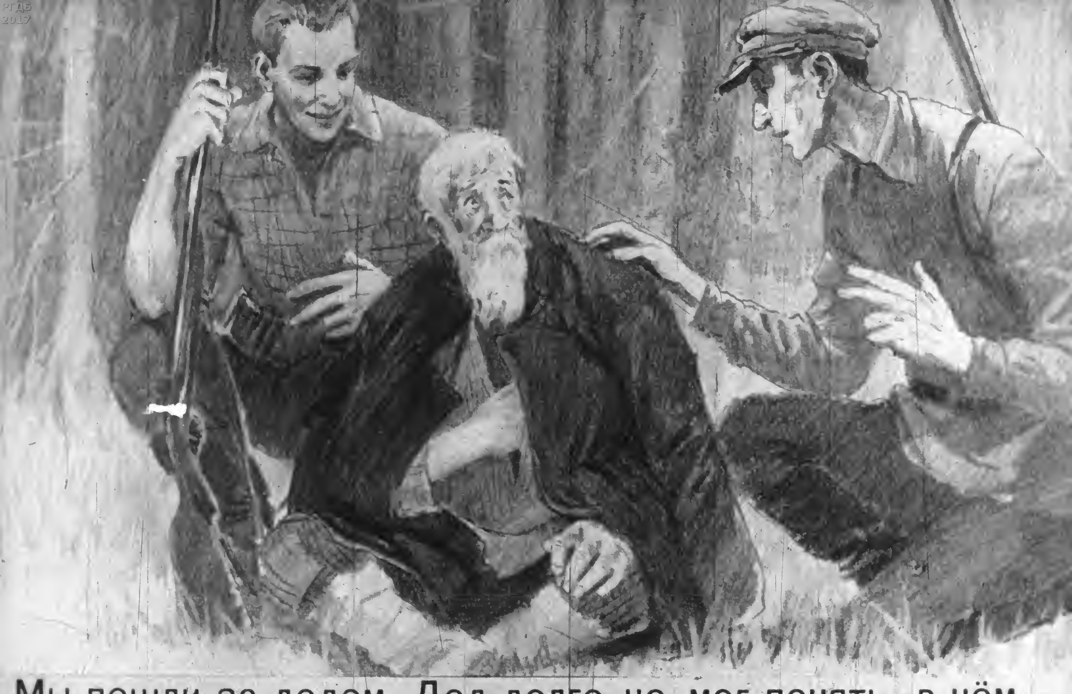
29

Тогда я вспомнил о газете – в неё была завёрнута копчёная колбаса. Я бросился к костру, расправил засаленную газету и прочёл объявление, набранное жирным шрифтом...

„Во время перевозки зверинца по узкоколейной железной дороге сбежала африканская птица пеликан. Приметы: перо розовое и жёлтое, большой клюв с мешком для рыбы, на голове пух. Птица старая, очень злая, не любит и бьёт детей. Взрослых трогает редко. О находке сообщить в зверинец за приличное вознаграждение".

– „Ну, – спросил я, – что будем делать? Стрелять жалко, а осенью он подохнет от голода“. – „Дед сообщит в зверинец, – ответил Рувим. – И, кстати, заработает“.

Мы пошли за дедом. Дед долго не мог понять, в чём дело. Он молчал, моргал глазами и всё скрёб худую грудь.

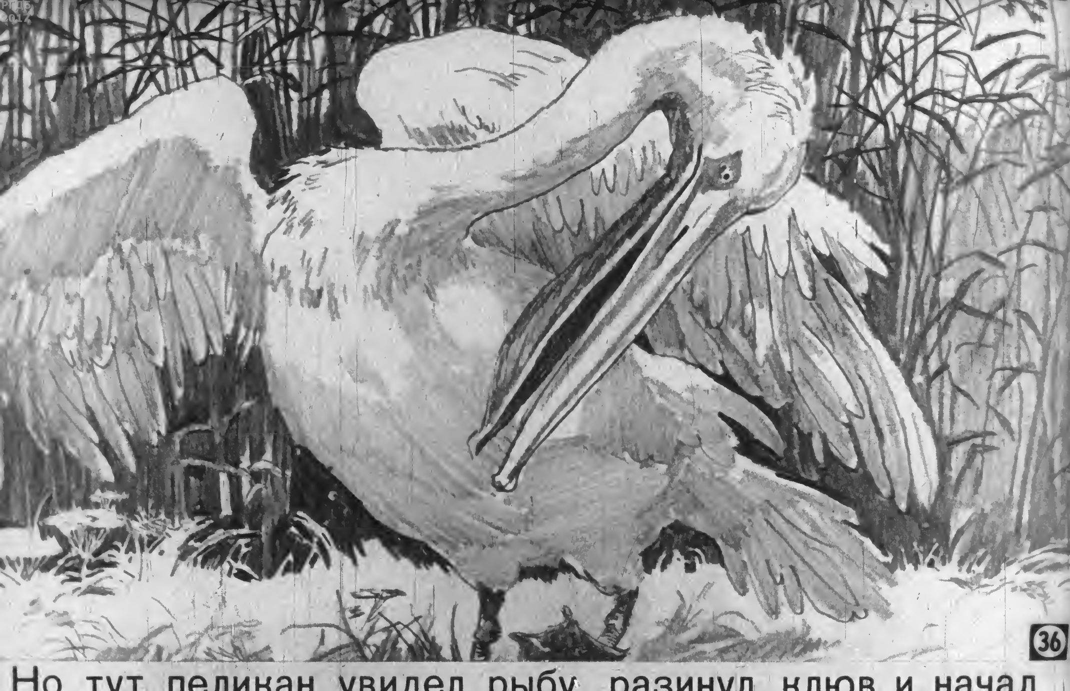
Потом, когда понял, пошёл с опаской на берег смотреть чёрта.

– „Вот он, твой леший, – сказал Рувим. – Гляди!“
– „И-и-и, милай... – Дед захихикал. – Ясное дело, не чёрт. Пущай живёт на воле, рыбку полавливает. А вам спасибо. Ослобонили народ от страха“.

Днём мы наловили рыбы и снесли её к костру. Пеликан вылез на берег и приковылял к нашему привалу. Дед задрожал.

Но тут пеликан увидел рыбу, разинул клюв и начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой.

От костра полетели угли и искры. – „Чего это он? – испугался дед. – Чумовой, что ли?“ – „Рыбы просит“, – объяснил Рувим.

Мы дали пеликану рыбу. Он проглотил её, потом снова начал накачивать крыльями воздух, приседать и топать ногой – клянчить рыбы.

– Пошёл, пошёл! – ворчал дед. – Бог подаст. Ишь, размахался!

Весь день пеликан бродил вокруг нас, шипел и кричал, но в руки не давался.

К вечеру мы ушли. Пеликан влез на кочку, бил нам вслед крыльями и сердито кричал: „Уэк! Уэк!“ – Вероятно, он был недоволен, что мы бросаем его на озере.

Через два дня дед поехал в город, нашёл на базарной площади зверинец и рассказал о пеликане.

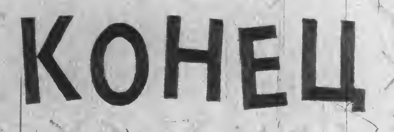
Из города приехал рябой скучный человек и забрал пеликана.

Дед получил от зверинца сорок рублей и купил на них новые штаны. – „Порты у меня – первый сорт", – говорил он.

– Весь колхоз наш знаменитость получил через эту дуроломную птицу. Сказывают, даже в газетах печатали. Вот она какая, жизня наша, милок!

Редактор Л. Гуревич

Художественный редактор

А. Морозов

Д-47-61

Б03073а

Студия „Диафильм"

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20